о бегстве Игоря, и представляет своего рода концовку, разрешение вызванного предыдущими глаголами напряжения. По мнению же А. Югова, к бегству Игоря относится только глагол «въшуме», передающий осторожные, крадущиеся движения пробирающегося через половецкую стоянку князя, вызванный ими шум травы.

Что касается выражения «вежи ся половецкии подвизашася», то в отношении его А. Югов делает заключение, которое уже было приведено нами в своем месте. Он считает возможным переводить его только так: «от вежи половецкой отдалились, или устремились прочь, отбежали».

Свой перевод А. Югов обосновывает также ссылкой на рассказ летописи о бегстве Игоря из плена. «Известно — пишет он, — что за Игорем половцы присматривали. Но вот князь поддался на уговоры Овлура... Они условились бежать ночью. Овлур ждал князя за рекою Тором, держа наготове коней... Игорю был подан сигнал к бегству. Он с великою осторожностью поднял полу своей вежи (шатра, кибитки) и „лезе вон", то есть вышел».[16] Далее А. Югов выдвигает предположение о том, что «князь через весь половецкий стан шел не один, а в сопровождении своих помощников и сообщников из свиты: трудно предположить, чтобы Игорь сам, один решился пройти через лагерь и перейти речку Тор. И вот естественно, что беглецы сперва отдалились от вежи, устремились от нее прочь».[17] Однако ни в летописи (по Ипатьевскому списку), ни в самом «Слове» о товарищах Игоря, сопутствовавших ему во время бегства через половецкий стан (до реки Тор), не говорится ничего. Напротив, из текста летописи можно скорее заключить, что через половецкий лагерь Игорь пробирался один. Поэтому предположение А. Югова в значительной степени является произвольным и не опирающимся на какие-либо конкретные данные. По-видимому, оно имеет в виду форму множественного числа аориста «подвизашася», так как при предположении, что Игорь бежал не в сопровождении сообщников, было бы утрачено согласование между подлежащим (Игорь и его соучастники) и сказуемым — «подвизашася». С неменьшей долей обоснованности, однако, можно допустить, что до берега реки Тор Игорь пробирался один, искусно скрываясь в траве, что группа в несколько человек легче могла быть обнаружена половцами. Не можем также пройти мимо того обстоятельства, что рассказ о бегстве Игоря четко разграничивает формы единственного и двойственного числа (когда речь идет о Игоре и Овлуре). Так, повествуя об Игоре, летописец говорит о нем и отдельных моментах его бегства, последовательно употребляя формы единственного числа: «Сей же вставъ ужасенъ и трепетенъ и поклонися... И возмя на ся крестъ... и подоима стѣну и лѣзе вонъ... Сии же пришедъ ко рѣцѣ и перебредъ и всѣде на конь...». Но как только летописец начинает говорить об Игоре и Лавре, он сейчас же употребляет форму двойственного числа: «и тако поидоста сквозѣ вежа».[18]

А. Югов не обратил достаточного внимания и на грамматическую структуру предложения «вежи ся половецкіи подвизашася», а она отнюдь не свидетельствует в пользу предположения о родительном беспредложном. Проанализируем выражение «вежи ся половецкіи подвизашася» со стороны его морфологических и синтаксических особенностей. Существительное «вежи» может быть в одинаковой степени формой родительного единственного и именительного (винительного) множественного числа,

---

[16] Алексей Югов, стр. 168.
[17] Там же.
[18] А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве». М—Л., 1946, стр. 172.